

В.И. Коровин

Мотивы поэзии Лермонтова Свобода и воля

Свобода и воля — центральные мотивы, определяющие мятежный пафос поэтического наследия Лермонтова. Свобода и воля для Лермонтова есть такие формы бытия личности, которые характеризуют самые принципы ее существования, обязательные условия ее самостоятельности и служат критериями оценки всего сущего.

Первоначально мотив свободы у Лермонтова возникает на почве вольнолюбивой поэзии и декабристских традиций: «Жалобы турка», «Песнь барда», «Баллада» («В избушке позднею порою...»), «Плачь! плачь! Израиля народ...»; наиболее последовательное их воплощение — в стихах о новгородской вольнице («Новгород», «Приветствую тебя, воинственных славян...»), в поэме «Последний сын вольности», где героическая личность добивается свободы во имя «общей» цели. Для этих произведений характерна декабристская фразеология («тиран», «рабство», «цепи», «сыны славян», «отчизна») и прием непосредственных политических аллюзий. При этом Лермонтов имел в виду прежде всего свободу и вольность гражданскую: так, Новгород в духе декабристской поэзии идеализируется как средоточие национальных традиций, оплот русской вольности.

На этой идейной основе, пока еще довольно рационалистической и выраженной в абстрактных поэтических образах, складывались собственно лермонтовские представления о свободе и воле. Уже в поэме «Последний сын вольности» Вадим Новгородский — одинокий мститель за поруганную гражданскую свободу, который гибнет как высокий трагический герой. Тему гражданской свободы поэт сливает с индивидуальной судьбой героя, с жаждой личной независимости и мстостью за оскорбленное личное достоинство. При этом мотивы свободолюбия приобретают у Лермонтова романтически тотальный характер: речь идет не о конкретных формах свободы — политической, социальной, но об абсолютной свободе, провозглашаемой как для себя, так и для всего человечества. Личная свобода оказывается ступенью к свободе и воле всего человечества. Так, Юрий Волин в трагедии «Menschen und Leidenschaften» исповедуется Заруцкому: «Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством — меня никто после тебя не понимал». Здесь существен акцент на несовпадении между требованием конкретных форм свободы («вольнодумство») и всеобъемлющим ее пониманием («свобода человечества»), позволяющим считать, что для Лермонтова конкретные формы «вольности» не исчерпывают абсолютной, совершенной свободы, но и не исключаются из нее.

В ряде стихов 1830-х годов мотивы свободы и воли имеют точное социальное содержание. В стихотворении «10 июля. (1830)» говорится о свободе как национальной независимости, связанной со свободой политической: «Опять вы, гордые, восстали за независимость страны»; в стихотворении «30 июля. — (Париж). 1830 года» свержение самодержавной тирании предстает как законное и оправданное («Есть суд земной и для царей»). В драме «Испанцы» протест героя одновременно метафизичен и конкретен, направлен против национального угнетения, религиозных догм и гонений.

Произведений, утверждающих политическую свободу, в творчестве Лермонтова немного. Тем не менее мятежный дух, утверждение внутренней свободы личности присущи многим лермонтовским стихам. В «Парусе» нет упоминания о свободе и воле, но эти мотивы там реально присутствуют вместе с ощущением беспокойства, тревоги, порывом к бесконечному, жаждой простора и «бури». Носитель свободы и воли в раннем творчестве Лермонтова — одинокая и грандиозная в своих притязаниях личность, с постоянной готовностью к действию и жертве ради достижения личной, внутренней свободы:

Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу...

(«Унылый колокола звон»)

Стремлением к всеобъемлющей свободе проникнуты произведения всех жанров лермонтовского творчества. По существу, такие важные для уяснения мироотношения поэта темы, как борьба со «светом», «толпой», враждебной судьбой, «земными» страстями в собственной душе, бунт против бога — все это грани проявления внутренней свободы лермонтовского героя.

Свобода и воля у Лермонтова — близкие, но не синонимичные понятия: свобода по традиции связана с философским и культурно-историческим контекстом, воля (особенно в поэзии) — с фольклорным, народным пониманием. Народная тоска по воле звучит во многих произведениях Лермонтова. Воля — нечто исконно природное, составляющее безмерную, абсолютную ценность бытия и личности: «И вольность мне гнездо свила, как мир — необъятное!» («Воля»). В таком понимании она — высшее начало, не сравнимое даже со счастьем:

Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

В варианте «Желанья» этот мотив звучит еще отчетливее: «Дайте волю — волю, волю — и не надо счастья мне!». Но царство вольности отнесено либо в «дикие» края («Кинжал»), либо в прошлое народа («Новгород» и др.). Нередко мотив воли возникает как антитеза цивилизации, «угнетающей» вольную жизнь природы, с одной стороны, и простого, «естественного» бытия человека — с другой. Поэтому символом вольности для поэта становится Кавказ — «жилище вольности простой»: стихотворения «Люблю я цепи синих гор...», «Синие горы Кавказа, приветствую вас...» и др., пейзаж в «Герое нашего времени». Однако перед героем постоянно предстают картины гибели вольности: исчезла Новгородская республика, отзвучал колокол, повержен гордый Казбек («Спор»).

В поздней лирике Лермонтова обнаруживается несовместимость свободы с современным состоянием общества. Воля-свобода — внутреннее свойство поэтического дара; столкновение «вольного сердца» с «завистливым и душным» светом всегда чревато для поэта катастрофой и гибелью («Смерть поэта»). В конечном итоге весь общественный климат и само сознание современного человека оказываются обусловленными социальным и духовным рабством («Дума», «Прощай, невытая Россия»).

Но чем больше унижена свобода и чем меньше надежд на ее обретение, тем интенсивнее переживание свободы, тем энергичнее выражена жажда воли: для Мцыри уже один миг свободы равен целой жизни, и за это мгновение герой готов отдать все:

Я мало жил, и жил в плену,
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

Воля и свобода — неотъемлемые признаки «чудного мира тревог и битв», «где люди вольны, как орлы», но как раз в этот мир вход герою либо запрещен, либо совершается слишком поздно. В зрелом творчестве мотивы личной свободы и воли, не угасая и не теряя значимости, подвергаются пересмотру, связанному с критикой индивидуализма. Демон — «царь познания и свободы» — готов отказаться от своей безграничной и обременительной свободы во имя приобщения к земному миру. Лирической герой Лермонтова теперь уже не мыслит об избраннической судьбе; глубина безбрежных и неутоленных желаний такова, что их достижение возможно только в особом, утопическом пространстве жизни, похожей на сон:

Я ишу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

В 1837–1840 Лермонтов создает большинство стихов «тюремного цикла» со сквозным мотивом «неволи» («Узник», «Сосед», «Соседка», «Пленный рыцарь»). Именно в ситуации заточения герой ощущает общность своей судьбы с судьбами других людей:

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно.

(«Соседка»)

Эволюция лермонтовских представлений о свободе и воле в поэзии связана, таким образом, с отрицанием абсолютной свободы в качестве предмета притязаний избранной личности.

С таким пониманием контрастирует характеристика индивидуальной воли, краеугольной для романтизма (и в этом значении существенной для лермонтовской прозы и драматургии) в юношеском незаконченном романе «Вадим»: «... воля заключает в себе всю душу... воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса...». Обожествление личной воли свойственно и Печорину. Но эксперименты Печорина, достигшего личной свободы, свободы, которой он так, по собственному признанию, дорожит, в сущности, приводят к поражению героя: он попросту не знает, что с нею делать. (Лермонтов остро чувствует противоречие между личной волей и предопределением, «волей рока», но эта постоянная проблема лермонтовского творчества, ставшая в «Фаталисте» центральной, так и остается неразрешенной.) Для позднего Лермонтова свобода и воля по-прежнему остаются высокими и притягательными, но уже подточенными скептицизмом и в принципе неосуществимыми.